

Эйфория

Автор:

[Лили Кинг](#)

Эйфория

Лили Кинг

В 1932 году молодой англичанин Эндрю Бэнксон ведет одинокую жизнь на реке Сепик в одном из племен Новой Гвинеи, пытаясь описать и понять основы жизни людей, так не похожих на его собственных соплеменников из Западного мира. Он делает первые шаги в антропологии, считая себя неудачником, которому вряд ли суждено внести серьезный вклад в новую науку. Однажды он встречает своих коллег, Нелл и Фена, семейную пару, они кочуют из одного дикого племени в другое, собирая информацию. В отличие от Бэнксона, они добились уже немало. Фен умен, энергичен и полон авантюрных идей. Его жена Нелл – настоящая звезда антропологии, автор нашумевшего научного бестселлера. Несколько месяцев Бэнксон, Нелл и Фен работают вместе, их накрывает настоящий исследовательский угар, который однажды сменится угаром любовным, и они окажутся связанными странными отношениями, в которых перемешались любовь, ревность, конкуренция, честолюбие, зависть и авантюризм. Единственные представители западной цивилизации в душных джунглях, они пытаются постичь непонятную, таинственную культуру, не в силах понять самих себя. В основу книги легла история знаменитого антрополога Маргарет Мид, но в романе Лили Кинг реальные факты тесно сплетены с вымыслом. Это и портрет удивительной женщины, и тонкий, чуть ироничный роман о конкуренции, о желании, о любовном треугольнике в экстремальных условиях. Драматичная, интеллектуальная и эротичная история. Лили Кинг с легкостью играет жанрами: от неподдельной драмы – к комедии, от вдумчивых размышлений о чужих культурах и способах их познания – к романтике, перетекающей в эротику.

Лили Кинг

Эйфория

Моей матери Венди с бесконечной любовью

Конфликты из-за женщин задают тон в жизни первобытного общества Новой Гвинеи.

Маргарет Мид

Опыт, вопреки распространенному мнению, это преимущественно воображение.

Рут Бенедикт

Euphoria by Lily King

Copyright © 2014 by Lily King

Издание осуществлено при содействии Grove/Atlantic, Inc. и Литературного агентства “Синописис”

© Мария Александрова, перевод, 2019

© Андрей Бондаренко, оформление, 2019

© “Фантом Пресс”, издание, 2019

Когда они уплывали от мумбаньо, вслед им полетел какой-то предмет. Он плюхнулся в воду в нескольких ярдах позади каноэ. Что-то светло-коричневое.

- Еще один мертвый младенец, - сообщил Фен.

К тому времени он уже разбил ее очки, так что она не знала, шутит он или нет.

Впереди, в темно-зеленой излучине, маячил просвет, туда и направлялась лодка. Нелл сосредоточилась на этом и больше не оборачивалась. Несколько местных жителей на берегу пели и били в гонг, но она не захотела напоследок взглянуть на них. Всякий раз, как гребцы - все стояли в полный рост, перекрикиваясь с приятелями и родственниками на берегу или в других каноэ, - разом мощно взмахивали веслами, легкий порыв ветра касался ее влажной кожи. Язвы саднили и чесались, словно торопясь зарости, пока им досталось хоть немного сухого воздуха. Ветер поднимался и стихал, поднимался и стихал. Между ощущением и его осознанием возникала пауза, и она понимала, что это начинается очередной приступ. Гребцы прервались, чтобы стукнуть по змеиной голове черепахи, подцепить и втащить ее, отчаянно дергающуюся, в лодку. Фен промычал погребальную песнь черепахе, но так тихо, что расслышали только они двое.

У слияния Юата и Сепика[1 - Сепик - самая большая река острова Новая Гвинея.] их ждал катер. На борту его, помимо капитана по имени Минтон, которого Фен знал еще по Кэрнсу, две белые пары. На женщинах узкие вечерние платья и шелковые чулки, мужчины в смокингах. Местные обитатели - судя по тому, что жара не доставляла им неудобств; мужчины либо заправляют делами на плантациях или рудниках, либо обеспечивают исполнение законов, защищающих их. Ну хотя бы не миссионеры. Сегодня она не выдержала бы миссионеров. У одной из женщин сияющие золотистые волосы, у другой - ресницы, как черные стрелки папоротника. У обеих - вышитые бисером клатчи. Нежная белизна их рук казалась ненастоящей. Хотелось дотронуться до той, что стояла ближе, задрать рукав платья и посмотреть, далеко ли тянется белый цвет, - как делали все туземцы повсюду, куда она приезжала впервые. Когда они с Феном поднялись на борт, со своими грязными узлами и малярными

глазами, во взглядах женщин мелькнуло сочувствие.

Мотор взревел так громко, страшно и внезапно, что она совсем по-детски зажала уши ладонями. Заметив, как Фен дернулся, чтобы повторить ее жест, но сдержался, она безотчетно улыбнулась, но ему не понравилось, что она видела его слабость, и он отошел в сторону поболтать с Минтоном. Она уселась на корме с женщинами.

- А что за событие сегодня? - спросила она Тилли, золотоволосую. Будь у нее самой такие волосы, туземцы щупали бы их непрерывно. С такими волосами в поле нельзя.

Обе дамы сумели сквозь грохот двигателя расслышать ее вопрос и расхохотались.

- Сегодня канун Рождества, дорогуша.

Обе уже были навеселе, хотя едва миновал полдень, и, конечно, к ней можно обращаться снисходительно, когда на ней замусоленная хлопковая рубаша поверх шаровар Фена. Кожа в ссадинах и мелких язвочках, на запястье свежий порез от шипа саговой пальмы, правое колено подкашивается, плечевой неврит - еще с Соломоновых островов - и вдобавок резкий зуд между пальцами ног, только бы не новый приступ грибковой инфекции. На берегу лагуны, во время работы, она спокойно терпела неудобства, но здесь, рядом с этими дамами в шелках и жемчугах, ей стало не по себе.

- Как ты думаешь, лейтенант Босуэлл придет? - спросила Тилли подругу.

- Она считает его неотразимым. - Вторая, Эва, была выше ростом, величава и без обручального кольца.

- Вовсе нет. Но тебе он тоже нравится, - возмутилась Тилли.

- Но ты замужняя женщина, дорогая.

- Нельзя ожидать от человека, что он прекратит замечать других людей ровно в ту минуту, как наденет обручальное кольцо.

– Я-то и не ожидаю. Но вот твой муж определенно именно так и думает.

Нелл мысленно записывала:

украшения на шее, запястьях, пальцах;

декоративная раскраска только на лице;

подчеркнуты губы (ярко-красным) и глаза (черным);

бедрa тоже подчеркнуты – утянутой талией;

беседа соперниц, напористая и агрессивная;

значимая ценность – мужчина, необязательно обладать им, но необходимо иметь возможность привлекать его внимание.

Она просто не могла удержаться.

– Вы изучали туземцев? – спросила Тилли.

– Нет, она явилась прямо с бала дебютанток в Плавучем дворце[2 - Floating Palais – один из самых популярных танцевальных залов в Аделаиде в 1920-е гг. – Здесь и далее примеч. перев.]. – У Эвы был выраженный австралийский акцент, точно как у Фена.

– Да, – сказала она. – С июля. В смысле, с прошлого июля.

– Полтора года где-то на крошечной речушке? – ужаснулась Тилли.

– Боже правый, – прокомментировала Эва.

– Первый год в горах на севере, у анапа, – уточнила Нелл. – А потом еще пять с половиной месяцев с мумбанью[3 - Названия племен (анапа, мумбанью и пр.), населяющих Новую Гвинею, в романе вымышленные.] в верховьях Юата. Мы довольно быстро оттуда уехали. Они мне не понравились.

- Не понравились? – вытаращила глаза Эва. – По мне, так вполне достаточно, что вам удалось сохранить голову на прежнем месте.

- Они каннибалы?

Ответить честно было бы неосмотрительно. Она же не знала, чем занимаются их мужчины.

- Нет. Они полностью понимают и строго соблюдают новые законы.

- Эти законы не новые, – уточнила Эва. – Они приняты четыре года назад.

- Думаю, для древних племен все это в новинку. Но они подчиняются – и списывают все свои несчастья на то, что более не практикуют человекоубийство.

- Но они говорят об этом? – Тилли не отставала.

Интересно, почему все белые расспрашивают о каннибализме. Она вспомнила, как Фен, вернувшись с десятидневной охоты, неловко попытался скрыть от нее правду. “Я попробовал, – буркнул он в конце концов. – И да, они правы, похоже на старую свинину”. Среди мумбаньо ходила шутка, что миссионер на вкус напоминает старую свинью.

- Да, говорят, и они очень тоскуют без этого.

И Тилли, и даже развязная Эва поежились.

А потом Тилли спросила:

- А вы читали книгу о Соломоновых островах?

- Ту, где все дети развратничают по кустам?

- Эва!

- Читала. - И, не сдержавшись, Нелл спросила: - Вам понравилось?

- Ну, не знаю, - протянула Тилли. - Я не поняла, из-за чего столько шуму.

- А что, был шум? - Нелл ничего не слыхала о том, как книгу приняли в Австралии.

- Вроде того.

Она хотела расспросить, от кого они узнали и что именно, но тут один из мужчин подошел с громадной бутылкой джина и стаканами.

- Ваш муж сказал, что вы не захотите выпить, - извинился он за отсутствие бокала для Нелл.

Фен стоял к ней спиной, но по его позе - чуть сгорбился, приподнялся на носках - она могла угадать выражение его лица. Свою мятую несвежую одежду и странную профессию он компенсировал агрессивной маскулинностью. И позволял себе улыбаться лишь собственным шуткам.

Приободрившись после пары глотков, Тилли продолжила расспросы:

- А что вы планируете написать об этих племенах?

- Сейчас это лишь мешанина в моей голове. Пока не сяду за свой рабочий стол в Нью-Йорке, никогда не могу сказать, что получится. - Нелл поймала себя на стремлении соперничать, одержать верх над этими чистыми, ухоженными дамами, создавая образ рабочего места в Нью-Йорке.

- Туда-то вы сейчас и направляетесь, обратно к своему столу?

Ее стол. Ее кабинет. Окно, выходящее на Амстердам-авеню и 118-ю улицу. Издалека это пространство вызывает дикую клаустрофобию.

- Нет, мы сейчас в Викторию[4 - Штат на юго-востоке Австралии.], изучать аборигенов.

Тилли скорчила гримасу, надув губки.

– Бедняжка. У вас и так уже заморенный вид.

– Мы прямо тут, на месте, можем рассказать все, что вам нужно знать об аборигенах, – добавила Эва.

– С этим последним племенем... мы прожили с ними пять месяцев. – Нелл не знала, как объяснить. Они с Феном не сошлись ни по одному пункту относительно мумбаньо. Он разнес в пух и прах ее доводы. И сейчас она наслаждалась образовавшейся блаженной пустотой. Тилли смотрела на нее с рассеянным участием очень пьяного человека. – Иногда просто обнаруживаешь культуру, которая тебя крайне удручает, – выговорила она наконец.

– Нелли, – окликнул Фен. – Минтон говорит, что Бэнксон еще здесь, – и махнул рукой вверх по течению.

Ну разумеется.

– Тот, кто украл твою москитную сетку? – Она пыталась шутить.

– Ничего он не крал.

Как он там сказал? На судне, когда они возвращались с Соломоновых островов, это был один из первых их разговоров. Они сплетничали о своих старых профессорах. Хэддон был добр ко мне, сказал тогда Фен, но свою сетку он отдал Бэнксону.

Бэнксон разрушил их планы. Они приехали в 1931-м, чтобы изучать племена Новой Гвинеи. Но поскольку на Сепике работал Бэнксон, им пришлось переместиться севернее, в горы, к анапа, – в надежде, что когда они через год вернутся, то он уже уедет и они смогут выбирать среди речных племен, чья культура, менее изолированная, богата художественными, экономическими и духовными традициями. Но Бэнксон все еще торчал там, и они вынуждены были двинуться в противоположном направлении, подальше от него и племени киона, которым он занимался, на юг по притоку Сепика под названием Юат, где и нашли мумбаньо. Нелл с первой недели поняла, что выбрать это племя было

ошибкой, но потребовалось целых пять месяцев, чтобы убедить в этом Фена.

Фен подошел к ней:

– Нужно повидаться с ним.

– Правда? – Раньше он никогда не предлагал ничего подобного. С чего бы сейчас, когда они уже подготовились к отъезду в Австралию? Четыре года назад он уже встречался в Сиднее с Хэддоном, Бэнксоном и их москитной сеткой, и, кажется, они не слишком понравились друг другу.

Киона Бэнксона были воинами, властителями Сепика, еще до того, как австралийское правительство принялось наводить свои порядки, расселять деревни, раздавать их жителям участки земли, которые никому не были нужны, а недовольных бросать в тюрьмы. Мумбаньо, сами жестокие воители, рассказывали легенды о доблести киона. Поэтому Фен и хотел встретиться с Бэнксоном. Другой берег реки всегда зеленее, часто говорила она ему. Но невозможно было не завидовать чужим племенам. Пока не выложишь все аккуратно на бумагу, собственное племя кажется полной ерундой.

– Думаешь, мы встретимся с ним в Ангораме?[5 - Город на реке Сепик в северной части Новой Гвинеи.] – спросила она. Они не могли таскаться следом за Бэнксоном. Они же решили ехать в Австралию. Денег хватит максимум на полгода, а только на то, чтобы обосноваться среди аборигенов, уйдет несколько недель.

– Сомневаюсь. Убежден, он сторонится правительственных контор.

Из-за скорости катера сохранять равновесие было трудно.

– Нам нужно попасть на завтрашнее судно в Порт-Морсби[6 - Столица Папуа – Новой Гвинеи.], Фен. Гунай[7 - Коренная народность Юго-Восточной Австралии.] – разумный выбор.

– Ты думала, что и мумбаньо – разумный выбор, когда мы к ним отправились. – Он встряхнул кубики льда в пустом стакане. Вроде хотел что-то добавить, но развернулся и ушел к Минтону и остальным мужчинам.

– Давно женаты? – спросила Тилли.

– В мае было два года, – ответила Нелл. – Свадьба состоялась за день до нашего отбытия сюда.

– Роскошный медовый месяц.

Все расхохотались. Бутылка джина вновь пошла по кругу.

Следующие четыре с половиной часа Нелл наблюдала, как разодетые парочки пьют, задирают друг друга, флиртуют, обижают, смеются, извиняются, расстаются, вновь сходятся. Она смотрела на их юные смущенные лица, видела, как тонок слой самоуверенности и как легко он соскальзывает, когда они думали, что никто их не видит.

Время от времени муж Тилли поднимал руку, указывая на берег: двое мальчишек с сетью, сумчатая куница, мешком свисающая с дерева, морской ястреб, планирующий к гнезду, красный попугай, передразнивающий звук мотора. Она старалась не думать о селениях, мимо которых они проплывали, о домах на сваях и земляных очагах, о детях, выскивающих змей в тростниковых кровлях, чтобы ловко пригвоздить их копьем. Народности, которые ускользали из рук, племена, о которых она никогда не узнает, слова, которых не услышит; опасение, что, возможно, прямо сейчас она проплывает мимо того самого народа, который должна была исследовать, людей, чей дух могла бы высвободить, открыть всему миру, а они освободили бы ее дух, – людей, чья жизнь была ей интересна и понятна. А вместо этого Нелл наблюдала за белыми колонизаторами и за Феном: как он нападал на них, жестко критикуя их работу и тут же переходя к обороне, едва начинали расспрашивать о его собственной; как время от времени он подходил к ней, но лишь для того, чтобы бросить пару резких слов, и внезапно удалялся. Фен проделал этот номер раза четыре или пять, сваливая на нее собственное разочарование, не осознавая, что творит. Он все еще не мог ей простить желания сбежать от мумбаньо.

– А он симпатичный, ваш муж, – заметила Эва, когда ее никто не мог услышать. – Держу пари, в костюме он неотразим.

Катер замедлил ход, в закатном свете вода отливала лососево-розовым, и вот они на месте. Трое мальчишек в белых штанах, голубых рубашках и красных

бейсболках выскочили из здания Ангорам-клуба, чтобы пришвартовать катер.

- Осторожно! - рявкнул на них Мinton на пиджине. - Тихо-тихо.

Между собой мальчики говорили на своем языке - скорее всего, на тавэй. С пассажирами, сходящими на берег, они поздоровались: "Добрый вечер", - с отчетливым британским акцентом.

Ей стало любопытно, насколько глубоко их знание английского.

- Как вам сегодняшний вечер? - спросила она самого старшего из мальчиков.

- Все хорошо, благодарю, мадам. - Свободной уверенностью и готовностью улыбнуться в любой момент он напомнил ей мальчиков-охотников анапа.

- Сегодня сочельник, я слыхала?

- Да, мадам.

- Вы празднуете Рождество?

- О да, мэм.

Миссионеры добрались и до них.

- И какого подарка ты ждешь? - спросила она второго мальчика.

- Сеть, мэм. - Он старался отвечать коротко и бесстрастно, как старший, но не сдержался: - Таковую же, как досталась моему брату в прошлом году.

- И первым делом он поймал меня! - радостно выкрикнул самый маленький.

Все трое рассмеялись - зубы у них были белоснежными. У большинства мальчишек мумбаньо к этому возрасту уже недостает многих зубов, сгнили или выбиты, а те, что остались, в алых пятнах от бетеля, который они непрерывно жуют.

Едва старший мальчик начал рассказывать историю про сеть, Фен окликнул ее с трапа. Белые парочки, уже сошедшие на берег, кажется, посмеивались над ними – над женщиной в замызганных мужских шароварах, пытающейся беседовать с туземцами, над сухопарым угрюмым бородатым австралийцем – который, может, и неотразим, если его приодеть, а может, и нет, – волочащим, спотыкаясь, семейное барахло и зовущим свою жену.

Нелл пожелала мальчикам счастливого Рождества, что их позабавило, и они пожелали ей того же. Она бы предпочла усесться рядом с ними прямо тут, на мостках, и проболтать весь вечер.

Фен, она заметила, вовсе не сердился. Он вскинул оба баула на левое плечо и церемонно протянул ей правую руку, словно они оба были сейчас в вечерних нарядах. Она продела левую руку под его локоть, и он крепко подхватил ее. Язвы тут же засадили.

– Ради всего святого, сегодня сочельник. Ты что, должна работать без перерыва? – Но сейчас его голос звучал лукаво, почти виновато. Мы вернулись, говорила его крепкая рука. С мумбанью покончено.

Фен поцеловал ее, и это тоже было ужасно больно, но она не жаловалась. Он не любил ее сильной, как, впрочем, не любил и слабой. Еще много месяцев назад он устал от болячек и немощи. Когда у него случилась лихорадка, он прошел пешком сорок пять миль. Когда под кожей на ноге поселился жирный белый червяк, он сам вырезал его перочинным ножом.

Им выделили комнату на втором этаже. Пол вибрировал от музыки, гремевшей внизу, в клубной гостиной.

Она похлопала по одной из кроватей. Белые накрахмаленные простыни и мягкая подушка. Нелл вытянула заправленное одеяло и забралась в постель. Всего лишь узкая армейская койка, но словно тонешь в облаке – чистом, мягком, накрахмаленном облаке. Она чувствовала, как подступает сон, старый добрый сон, как в детстве.

– Отличная мысль. – Фен уже стаскивал ботинки. Тут стояла целая отдельная кровать для него, но он пристроился рядом, и ей пришлось повернуться на бок, чтобы не свалиться. – Время плодиться и размножаться, – нараспев протянул он.

Его руки скользнули под ее хлопковые трусы, стиснули ягодицы, и он крепко прижал ее к паху. Примерно таким манером она притискивала друг к другу своих бумажных кукол, когда уже достаточно повзрослела, чтобы прекратить играть с ними, но недостаточно, чтобы их выбросить. Но нет, не помогло, тогда он взял ее руку, потянул вниз и, когда она обхватила его, накрыл своей рукой и принялся двигать вверх-вниз в ритме, который она прекрасно знала, но он все равно никогда не позволял ей действовать самостоятельно. Дыхание тут же стало частым и шумным, но прошло много времени, прежде чем пенис начал хоть немного твердеть. Он болтался в их руках, как медуза. Да и все равно сейчас неудачное время. У нее скоро должны начаться месячные.

– Черт, – пробормотал Фен. – Да чтоб тебя.

Вспышка гнева словно направила заряд вниз, и внезапно он встал – большой, твердый и пылающе-багровый.

– Возьми его, – почти приказал он. – Засунь прямо сейчас.

Его бесполезно уговаривать, объяснять что-то про то, что там сухо, что время неподходящее, что температура поднимается или что подсохшие корочки на язвах отлетят из-за трения о льняные простыни и откроются ранки. И на постели останутся пятна крови, и горничные-тавэй подумают, что это менструальная кровь, и сожгут белье из-за своих языческих предрассудков, прекрасное свежее чистое белье.

Она засунула. Крошечная еще не саднящая часть ее плоти просто оцепенела, а может, даже умерла. Фен молотом врубался в нее.

Когда все закончилось, он сказал:

– Вот твой ребенок.

– По крайней мере, ножка или две, – ответила она, справившись с голосом.

Он рассмеялся. Мумбаньо уверены, что для того, чтобы сделать целого ребенка, нужно много подходов.

– Ручками мы займемся позже ночью. – Он повернул к себе ее лицо, поцеловал. – А сейчас давай собираться на вечеринку.

В дальнем углу стояла роскошная рождественская елка. Похожа на настоящую, словно ее действительно доставили морем напрямик из Нью-Гэмпшира. В комнате людно, в основном мужчины – плантаторы и надсмотрщики, владельцы катеров и правительственные чиновники, охотники на крокодилов со своими зловонными таксидермистами, торговцы, контрабандисты и несколько в хлам пьяных миссионеров. Красотки с катера блистали, каждая в окружении мужчин. Официанты из тавэй в белых фартуках разносили шампанское. Длинные руки и ноги, узкие носы, без всяких татуировок и пирсинга. Наверное, подумала она, совсем не воинственное племя, вроде анапа. Что, если бы правительственную базу решили основать ниже по течению Юата? На мумбаньо белые фартуки не нацепишь. При первой же попытке вам перережут горло.

Нелл взяла бокал с подноса. На другом конце зала, за рукой юноши, держащей поднос, рядом с елкой, она заметила мужчину. Ростом даже выше этой ели, он осторожно касался пальцами колючей ветки.

Она без очков, и мое лицо должно было казаться ей размазанным розовым пятном среди множества таких же пятен, но, кажется, она узнала меня, едва я поднял голову.

2

Три дня назад я пошел к реке топиться.

“Ты серьезно, Энди?” Вопрос с регулярными интервалами сотрясал мое тело, иногда он звучал моим голосом, иногда голосами моих братьев: Мартина – с

полным осознанием иронии ситуации, Джона – чуть более сочувственно, но все же с недоуменно приподнятой бровью. В зарослях позади моей деревни, через которые я продирался, держа курс на северо-запад, виднелась прореха, ведущая к чистому пятнышку воды. На несколько шагов ближе к Лондону, всего на несколько. Привет, мам; пока, мам. Я любил тебя, по-настоящему, пока ты не извергла меня из кровоточащей полусферы. Я не был уверен, что кислород пригоден для меня. Я не чувствовал языка. “Он языка не чувствует, что ли?” Я слышал, как Мартин обращается к Джону голосом нашей старой кухарки Мэри. Джон заходился смехом, не в силах ответить. Камни – это просто смешно, и вдовавок громко клацают по моим бедрам. А теперь братцы хихикают над льняным пиджаком, отцовским, тем самым, с пятном от яйца, которое Мартин наверняка помнит. “У папы случилась настоящая истерика – правда ведь, Энди? – когда я любезно обратил его внимание на пятно”. Я продирался сквозь густые заросли, а братья корчили рожи, передразнивая меня за спиной, Джон просил Мартина прекратить, не то он обмочится от смеха. Я пришел на то место, где малыша Текета укусила змея. Он быстро умер – дыхательная система полностью отключилась. “Некоторым парням везет, а?” – сказал Мартин. Забавно, как отступают и прячутся тоска и страдание, когда у вас есть цель. Чувство, которое липким воском приклеилось давным-давно, ушло, я ощущал себя странно бодрым, чувство юмора вернулось ко мне, братья стали ближе, чем когда-либо прежде. Как будто они и впрямь могли вот-вот заговорить. Возможно, в итоге все самоубийства заканчиваются счастливо. Возможно, именно в этот момент человек и осознает истинный смысл – за рождением следует смерть. Смерть и есть та единственная цель, для которой предназначен каждый из нас, к которой стремится и от которой не может бесконечно увилывать. Даже мой отец, ныне тоже покойный, вынужден был бы согласиться с таким выводом. Неужели именно это ощущал Мартин, шагая к Пиккадилли? Я так себе и представлял всегда – не шел и не бежал, а именно шагал, как Джон маршировал на войну, которая поглотила его. А потом – пистолет из кармана, и прямо в ухо. Не в висок, а в ухо. Именно так и написали в протоколе зачем-то. Словно он хотел перестать слышать, а не прекратить жить. Интересно, металл коснулся кожи? Он помедлил, ощущая его холод, или все было кончено мгновенно, одним плавным движением? Он рассмеялся? Я мог представить Мартина в тот момент только смеющимся. Мартин ничего никогда не принимал всерьез. И уж точно – не юношу на Пиккадилли с пистолетом, приставленным к уху. Вот это-то меня и тревожило, когда я узнал, когда пришел директор и вызвал меня с урока французского. Почему Мартин отнесся так серьезно именно к этому? Почему он не мог выбрать что-нибудь другое? Я чувствовал, как меня засасывает в болото, своеобразное ментальное удушье. Старина Пролл с моей кафедры узнает новость и почувствует себя так же, как я в тот день в кабинете

директора, – уставившись на папоротник в горшке на подоконнике и недоумевая, не может же Мартин это всерьез. Пролл не будет знать, смеяться ему или плакать. Чертов Бэнксон уехал и утопился в реке, будет с жаром рассказывать он в коридоре Макси или Хенину. И вот тогда кто-нибудь обязательно рассмеется. Ну а как иначе? Но зато мне не придется возвращаться и опять в одиночестве торчать в этой гудящей москитами комнате. А если не сверну к реке (она уже поблескивает сквозь матовые зеленые листья размером с ладонь), могу просто продолжать идти. И постепенно дойду до пабей. Я ни одного не видел раньше. Половину племени упекли за решетку, потому что не желали подчиняться новым законам.

Я приближался к воде. Язык что-то плохо слушался. Все хуже. Я его не ощущал, хотя кровь циркулировала, – металлический, бесчувственный, нечеловеческий. Я шагнул прямо в реку. Да, пожалуй, все же одним движением, из кармана, к уху и бабах. Вода была теплой, и льняной пиджак не надул пузырями. Тяжело обвиснув, он прилип к телу. Движение позади меня. Крокодил, наверное. Впервые я не испугался. Быть съеденным крокодилом. Посильнее, чем разнести себе башку на Пиккадилли. У киона крокодилы – священные животные. Может, я стану частью их мифологии, несчастный белый человек, который обратился в крокодила. Я погрузился под воду. Сознание мое не успокоилось, но я не был несчастен. К сожалению, я всегда умел надолго задерживать дыхание. Мы вечно соревновались, Мартин, Джон и я. Им казалось забавным, что у младшего самые мощные легкие, что я доводил себя почти до обморока, но не сдавался. Простофиля ты, Энди, – частенько приговаривал отец.

Они схватили меня так резко и крепко, что от неожиданности я умудрился хлебнуть воды и, хотя оказался на поверхности, не мог вдохнуть. Мужчины обхватили меня за плечи с обеих сторон. Они вытащили меня на берег, перевернули, пошлепали, как саговую лепешку, встряхнули, поставили на ноги, все время наставительно что-то выговаривая на своем языке. Нашарили камни в моих карманах, вытащили. Двое мужчин, тела их почти сразу высохли, потому что на них не было ничего, кроме куска ткани на бедрах, а я оседал под весом всей своей одежды. Из камней в моих карманах они сложили на берегу горку и перешли на язык киона, которым владели даже хуже, чем я, объясняя, что они знали, что я человек Текета из Ненгаи. Камни – это красиво, сказали они, но опасно. Можешь их собирать, но когда пойдешь плавать, оставляй на берегу. И не плавай в одежде. Это тоже опасно. И не плавай в одиночку. Когда человек один, он обязательно попадет в беду. Они спросили, знаю ли я дорогу обратно. Они были суровы и немногословны. Взрослые, у которых едва хватает терпения на младенца-переростка.

– Да, – сказал я. – Со мной все хорошо.

– Мы не можем идти с тобой дальше.

– Все в порядке.

И я пустился в обратный путь. Слышал их голоса за спиной, они возвращались к реке. Они говорили быстро, громко, на языке пабей. Разобрал знакомое слово, “тайку” – “камни” на языке киона. Сначала один произнес его, потом другой, громче. Потом донесся раскатистый утробный хохот. Они смеялись, как люди в Англии смеялись давно, еще до войны, когда я был мальчишкой.

В итоге к Рождеству я все еще оставался в живых, поэтому собрал вещи и отправился праздновать вместе со всеми в обществе пьяных гуляк на правительственной базе в Ангораме.

3

– Бэнксон. Господи. Рад видеть вас, дружище.

Я помнил Шайлера Фенвика, дешевого истеричного ублюдка, который меня недолюбливал. Однако когда я протянул руку, он отодвинул ее и сгреб меня в объятия. Я обнял его в ответ, и это зрелище вызвало добрый смех у болтавшихся поблизости подвыпивших штафирок. Горло перехватило от внезапно нахлынувших чувств, и, прежде чем я успел взять себя в руки, он уже представлял меня своей жене.

– А вот и Бэнксон, – сообщил он, будто день и ночь они только обо мне и говорили.

– Нелл Стоун, – сказала она.

Нелл Стоун? Фен женат на Нелл Стоун? Он, конечно, любитель розыгрышей, но, похоже, на этот раз не шутит.

Ни в одной из бесед о Нелл Стоун никто никогда не упоминал, что она такая хрупкая или болезненная. Она протянула мне руку, с едва зажившим порезом поперек ладони. Ответить рукопожатием означало бы растревожить рану. Улыбка ее была искренней, но лицо землистое и глаза подернуты пеленой боли. Личико маленькое, глаза огромные, дымчатые, как у кускуса, мелкого сумчатого, которых детишки киона держат в качестве домашних зверьков.

– Вам больно. – Я чуть не сказал больны. И коснулся ее ладони вскользь, едва задев.

– Ранена, но не убита. – Она выдавила смешок. Прелестные губы на изможденном лице.

Как только кровь перестанет течь, зазвучало в моей голове продолжение баллады, я в битву ринусь, меч обнажив[8 - Известная англо-шотландская баллада “Сэр Эндрю Бартон” (Sir Andrew Barton, пер. Ю. Петрова), в основе сюжета которой исторический факт – сражение между англичанами и шотландцами в начале XVI в.].

– Как чудесно, что мы вас застали, – сказал Фен. – Думали, вы уже покинули эти места.

– Должен был. Полагаю, мои киона праздновали бы неделю напролет, если бы я свалил. Но вечно надо воткнуть на место еще один последний кусочек пазла, даже если он абсолютно неподходящей формы.

Они дружно рассмеялись, и глубоко сочувственное понимание целительным бальзамом пролилось на мои истрепанные нервы.

– В поле всегда так бывает, верно? – улыбнулась Нелл. – А потом возвращаешься – и все складывается.

– Разве?

– Если закончил работу, то да.

– Ой ли? – Придурковатая интонация в моем голосе была определенно лишней. – Пойдемте выпьем. И поедим. Хотите есть? Ну конечно, должны хотеть. Присядем? – Сердце колотилось где-то в горле, и я не мог думать ни о чем, кроме как удержать этих двоих. Я чувствовал выпирающее зобом из меня одиночество и не находил способа скрыть его.

В дальней части зала нашлось несколько свободных столиков. Сквозь клубы табачного дыма мы направились к столику в самом углу, пробираясь между белыми полицейскими и золотоискателями, быстро напивавшимися и орущими друг на друга. Оркестр заиграл Lady of Spain[9 - Популярная романтическая песня (1931) Толчарда Эванса и Ирелла Ривза (псевдоним Стэнли Дж. Дамирелла и Роберта Харгривза).], но никто не танцевал. Я подозвал официанта, указал на столик и попросил принести нам ужин. Они шли передо мной, Фен первым, далеко впереди, а Нелл отстала, прихрамывая на левую ногу. Я шел вплотную следом. Голубое хлопковое платье было сзади помято.

В моем представлении Нелл Стоун была старше, пожилой почтенной дамой. Я не читал книгу, сделавшую ее знаменитой, – книгу, после которой при упоминании ее имени в воображении возникали картины сладострастных сцен на тропических пляжах, – но я представлял американскую домохозяйку посреди сексуальных эскапад на Соломоновых островах. А эта Нелл Стоун оказалась почти девочкой с хрупкими руками и густыми волосами, заплетенными в толстую косу.

Мы устроились за маленьким столиком. Над нами нависал мрачный портрет короля.

– Откуда вы сейчас? – спросил я.

– Мы начали в горах, – ответила Нелл.

– В высокогорье?

- Нет, в Торричелли.

- Провели год в племени, у которого нет даже самоназвания.

- Мы назвали его по имени ближайшей горы, - сказала Нелл. - Анапа.

- Будь они покойниками, и то были бы менее скучными, - фыркнул Фен.

- Милые и кроткие, но очень слабые и истощенные.

- Удушающе тупые, хочешь ты сказать, - уточнил Фен.

- Фен почти весь год провел на охоте.

- Это был единственный способ не сдохнуть с тоски.

- А я проводила время с женщинами и детьми в огородах, дававших пропитание, которого едва хватало для выживания деревни.

- И вы прямо оттуда сейчас? - Я пытался вычислить, где и как она умудрилась прийти в такое жуткое состояние.

- Нет-нет. Мы покинули их в?.. - Фен обернулся к жене.

- В июле.

- Спустились пониже и перебрались поближе к вам. Нашли племя ниже по Юату.

- Которое?

- Мумбаньо.

Я о них не слышал.

– Грозные воины, – сказал Фен. – Бьюсь об заклад, могут потягаться с вашими киона. Внушают ужас всем племенам вверх и вниз по Юату. И друг другу.

– И нам, – сказала Нелл.

– Только тебе, Нелли.

Официант принес ужин: мясо, картофельное пюре и крупные желтые английские бобы – ровно такие, каких я надеялся никогда в жизни больше не видеть. Мы жадно набросились на еду и на беседу, упиваясь тем и другим, с набитыми ртами, не заботясь о том, чтобы дослушать собеседника. Мы перебивали друг друга, встревали с вопросами и замечаниями. Громили друг друга аргументами, хотя, пожалуй, они, поскольку их было двое, одерживали верх. Судя по характеру вопросов – Фен о религии и тотемах, церемониалах, способах ведения войны и генеалогии; Нелл об экономике, продуктах питания, системе управления, социальных структурах и воспитании детей, – я сказал бы, что они старательно разделили сферы интересов, и ощутил укол зависти. В каждом письме, отправленном на кафедру в Кембридж, я просил прислать мне напарника, какого-нибудь юного исследователя, только приступающего к изысканиям и нуждающегося в ненавязчивом руководстве. Но все стремились застолбить собственные участки. Или, возможно, хотя мне очень горько это признавать, они учуяли в письмах болотистую слякоть моих идей, застой в работе и держались подальше от этого.

– Что случилось с вашей ногой? – спросил я ее.

– Растянула, поднимаясь в горы к анапа.

– Что, семнадцать месяцев назад?

– Им пришлось нести ее на палке. – Фена позабавили воспоминания.

– Они завернули меня в банановые листья, так что я стала похожа на связанную свинью, которую собираются зажарить к обеду. – Они с Феном внезапно громко расхохотались – так, будто прежде им не довелось посмеяться над этой историей. – Большую часть времени я болталась вверх тормашками. Фен ушел вперед, добрался до места на день раньше, и от него не было ни слуху ни духу. Потребовалось больше двух сотен носильщиков, чтобы перенести наверх все

наше снаряжение.

– У меня единственного было оружие, – уточнил Фен. – Нас предупредили, что засады там нередки. Эти горные племена голодают, и всю еду мы несли с собой.

– Должно быть, сломали, – заметил я.

– Что?

– Лодыжку.

– Да. – Она взглянула на Фена – с опаской, как мне показалось. – Полагаю, так.

Я заметил, что она не ест, хотя мы с Феном уже закончили. Еда просто была размазана по тарелке.

За моей спиной грохнулся стул. Пара багроволицых служак схватили друг друга за грудки, вцепились в мундиры, пошатываясь, как подвыпившие танцоры, потом одному удалось высвободить руку, и он стремительно и крепко заехал кулаком в зубы другому. К тому моменту, как их растащили, физиономии обоих выглядели так, словно по ним прошлись садовыми граблями, и руки у обоих были измазаны кровью противника. Шум нарастал, концертмейстер призывал публику еще потанцевать, грянула бодрая музыка. Но никто не реагировал. В другой части зала вспыхнула очередная драка.

– Поехали, – сказал я.

– Поехали? Куда? – удивился Фен.

– Ко мне, выше по реке. У меня полно места.

– У нас тут есть комната наверху, – сказала Нелл.

– Тут вы не уснете. А если они вдобавок спалят здание, у вас и койки не останется. Эти ребята пьют уже пятый день кряду. – Я показал на ее ладонь и на язвочки, что заметил на левой руке: – И у меня есть лекарство для ваших ран. Они выглядят так, словно их вообще не лечили.

Я уже стоял, нетерпеливо ожидая их согласия. Хоп, хоп. Вы нужны мне. Вы нужны мне. Я применил обходной маневр и обратился к Фену:

- Вы ведь хотели познакомиться с киона.

- Хотел бы, да, очень. Но утром мы уезжаем в Мельбурн.

- Как это? - За те несколько часов, что мы провели вместе, о планах покинуть Новую Гвинею ни разу не упоминалось.

- Попытаемся похитить какое-нибудь племя у Элкина[10 - Адольфус Питер Элкин (1891-1979) - австралийский антрополог и религиовед.].

- Нет, - вырвалось у меня, не хотел я говорить это вслух, уж точно не таким капризным тоном. - Зачем? - Аборигены? Нет, они не могут уехать к аборигенам. - А как же мумбаньо? Вы же провели там всего пять месяцев.

Фен обернулся, предлагая объясниться Нелл.

- Мы не могли там больше оставаться, - произнесла она. - По крайней мере, я не могла. И мы подумали, что, возможно, в Австралии мы могли бы найти территорию, на которую еще не заявлены права.

Вот это заявлены права мне все объяснило. Я подозревал, что к этому она и стремилась.

- Ни в коем случае не вздумайте уезжать с Сепика из-за меня. Он мне вовсе не принадлежит, да я и не хочу этого. Послушайте, на каждого чертова индейца навахо приходится по восемьдесят антропологов, а мне тут выделили целую реку в семьсот миль. И никто не смеет приближаться. Все считают ее "моей". Но я этого совсем не желаю! - Я отчетливо начал жалобно подвывать. Да и наплевать. Я готов был встать на колени, если надо. - Прошу вас, останьтесь. Я завтра же найду вам племя - их тут сотни - далеко-далеко от меня, если хотите.

Они согласились так стремительно, даже не переглянувшись, что я позже даже подумал, что они все это спланировали и довольно ловко разыграли меня. Но это не имело значения. Может, я действительно был им нужен. Но мне они нужны

были гораздо больше.

Дождаясь, пока они соберут вещи, я припоминал все известные мне племена вверх и вниз по реке. Первым в голову пришли там. У моего информанта, Текета, была двоюродная сестра, которая вышла замуж в племя там, и он часто повторял слово “мирные”, описывая свои поездки в те края. Я видел на рынке женщин там, продающих рыбу, и отметил их деловитую сдержанность, хватку, то, как они стойко держатся против бешено торгующихся киона, не уступая даже тогда, когда представители прочих племен капитулируют. Но озеро Там очень далеко. Нужно подыскать народность поближе.

Они спустились со своими пожитками.

- Не может быть, чтобы это были все ваши вещи.

- Не совсем, - усмехнулся Фен.

- Остальное мы отослали в Порт-Морсби, - пояснила Нелл. Она переоделась в белую мужскую рубашку и коричневые брюки, как будто прямо с утра собиралась приступить к работе.

- Я могу распорядиться, чтобы их вернули. В смысле, если вы остаетесь. - Я подхватил два саквояжа и направился к выходу, пока они не передумали.

Внезапно я словно оглох. Электрический свет, лившийся из окон правительственной конторы, и музыка, затихшая до едва слышной ноты, и стриженная трава под ногами, и можно представить, что теплым вечером мы идем с вечеринки в Кембридже. Я обернулся. Фен взял ее за руку.

Я повел их через дорогу, мимо доков, сквозь просвет в зарослях на крошечный пляж, где я спрятал свое каноэ. Даже в темноте я разглядел, как вытянулись их лица. Наверное, они воображали себе настоящий катер с мягкими сиденьями.

- Я его заслужил. Это боевое каноэ. Получил его за то, что застрелил дикого кабана. - Я попытался заглушить их разочарование преувеличенной активностью, энергично забрасывая вещи в лодку, потом сбегал за мотором, который припрятал на берегу под большим фиговым деревом.

Увидев мотор, они заметно повеселели. Думали, я буду грести до самой деревни, а на это точно ушла бы вся ночь и большая часть утра.

– Ну, такого я еще не видел, – заметил Фен, когда я закрепил мотор.

Саквояжи я сложил на носу, устроив нечто вроде постели, чтобы Нелл могла вздремнуть. Я усадил ее там, Фена – по центру, а сам оттолкнул лодку на несколько ярдов. Потом запрыгнул, вытянул шнур и резко рванул стартер. Если у них еще оставались сомнения, я все равно ничего больше не слышал за ревом мотора, и мы стремительно заскользили по темной извилистой глади по направлению к Ненгаи.

4

Я был воспитан на вере в Науку, как другие – на вере в Бога, или богов, или в крокодила.

Если прицелиться в Новую Гвинею и запустить стрелу сквозь глобус, она, вероятно, выйдет с другой стороны, в том месте, где находится деревушка Грантчестер, в окрестностях Кембриджа, в Англии. Дом, в котором я там вырос, Хемсли-Хаус, принадлежал ученому семейству Бэнксон на протяжении трех поколений, и все шкафы, ящики, сундуки и свободные поверхности были заполнены свидетельствами их научной деятельности: подзорные трубы, пробирки, весы, карманные лупы, увеличительные стекла, компасы и медный телескоп, крытые стеклом коробки с энтомологическими булавками, жеоды, окаменелости, кости, зубы, окаменевшее дерево, коллекции жуков и бабочек и тысячи ненужных, разбросанных повсюду высохших насекомых, осыпавшихся трухой при малейшем прикосновении.

Мой отец изучал зоологию в колледже Сент-Джон в Кембридже и, как и ожидалось, стал тамошним стипендиатом, научным сотрудником и членом совета колледжа. Они с моей матерью познакомились в 1897-м, в июне того же

года поженились и с интервалом в три года произвели на свет трех сыновей: Джона, потом Мартина, потом меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Сепик – самая большая река острова Новая Гвинея.

2

Floating Palais – один из самых популярных танцевальных залов в Аделаиде в 1920-е гг. – Здесь и далее примеч. перев.

3

Названия племен (анапа, мумбаньо и пр.), населяющих Новую Гвинею, в романе вымышленные.

4

Штат на юго-востоке Австралии.

5

Город на реке Сепик в северной части Новой Гвинеи.

6

Столица Папуа – Новой Гвинеи.

7

Коренная народность Юго-Восточной Австралии.

8

Известная англо-шотландская баллада “Сэр Эндрю Бартон” (Sir Andrew Barton, пер. Ю. Петрова), в основе сюжета которой исторический факт – сражение между англичанами и шотландцами в начале XVI в.

9

Популярная романтическая песня (1931) Толчарда Эванса и Ирелла Ривза (псевдоним Стэнли Дж. Дамирелла и Роберта Харгривза).

10

Адольфус Питер Элкин (1891–1979) – австралийский антрополог и религиовед.

Купить: https://tellnovel.me/ru/king_lili/eyforiya

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)